А. Д. Курилова

(Астраханский государственный университет)

СМОЛЕНСКАЯ РУКОПИСНАЯ РИТОРИКА XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В статье анализируется латинское рукописное руководство по риторике, составленное М. Базилевичем для преподавания в Смоленской коллегии в 1756 году. Латинский этап преподавания риторики в России до сих пор остаётся в значительной степени не изученным. Расширение представления о нём может способствовать более полному пониманию процесса формирования риторической традиции в России. В статье рассматривается структура смоленской рукописи, дана краткая характеристика разделам книги. Охарактеризовано содержание пяти глав, соответствующих частям античного риторического канона, а также дополняющей канон главы, посвященной духовному красноречию и правилам составления проповеди. Отмечены методические приёмы и стилистические особенности руководства. Сделан вывод о том, что отдельные упражнения и методические советы, данные в руководстве, не утратили актуальности и могли бы быть использованы в современной преподавательской практике. Выделены основные теоретические источники учебной книги, среди которых — античные, западноевропейские и польские риторики. Отмечено, что использование примеров на русском и польском языках наряду с латинскими показывает стремление автора связать классическую латинскую теорию риторики с живой практикой красноречия.

Ключевые слова: риторика; риторическое образование; риторический канон; рукопись; XVIII век; Смоленская коллегия.

A. D. Kurilova

(Astrakhan' State University)

Rhetoric Latin Manuscript of the 18th century from Smolensk in the Context of Development of Rhetorical Education in Russia

The article analyzes a manuscript rhetoric composed in 1756 by M. Basilevich for teaching in Smolensk Collegium. After an overview of the structure of the manuscript, the contents of its main five chapters, corresponding to the parts of ancient rhetorical canon, are presented, as well as the contents of an additional chapter dealing with homiletics and the rules of preaching. Then, methodical tools and stylistic features of the manual are discussed. It is shown that some exercises and methodical tips provided in this manual are still actual and could be used in modern

teaching practice. Besides, the basic theoretic sources of the manual are discussed, among which there are Ancient, modern Western European and Polish rhetorics. The use of Russian and Polish examples along with Latin ones shows the author's intention to connect the classical rhetorical theory with the living practice of eloquence.

Keywords: rhetoric; rhetorical education; rhetorical canon; manuscript; 18th century; Smolensk Collegium.

В России XVIII века, несмотря на появление к этому времени ряда русскоязычных риторик, необходимость освоения основ науки красноречия на латинском языке не вызывала сомнений. Преподавание на латыни было обязательным даже в православных семинариях, хотя уже осознавалась важность развития красноречия на русском языке. В иезуитских коллегиях связь с европейской риторической традицией была наиболее прочной, в чём можно убедиться на примере руководства Мануэля Базилевича “*Opus artis oratoriae generosae juventuti Roxolanae*” (Труд по ораторскому искусству для благородного российского юношества) (Basilevicz 1756).

Учебная книга представляет собой рукописную запись курса риторики, прочитанного автором в Смоленской коллегии в 1756 году, объёмом в 126 рукописных листов. Ритор называет свой труд по ораторскому искусству «делом целого года» (“*annale negotium nempe artis oratoriae opus*”) (Basilevicz, 1756: 126 (об)). Это один из немногочисленных риторических манускриптов, составленных в учебных целях в России XVIII века, на котором обозначено имя автора, что в определённой степени является указанием на большую, чем обычно, степень оригинальности текста.

Латинское руководство М. Базилевича представляет собой компиляцию многочисленных риторических текстов, преимущественно европейских авторов XVII века. Изложение теоретических основ риторики опирается на сочинения античных и европейских раторов. Этимологические пояснения в отдельных случаях приводятся по-гречески, имеются русские и польские примеры. Так, на русском языке приводится образец свадебной речи, польское стихотворение иллюстрирует использование топоса имени.

Структура руководства опирается на античный риторический канон. Книга содержит предисловие, представляющее собой своего рода энкомий риторическому искусству, вводную часть («*Praenotiones oratoriae*»), в которой объясняются основ-

ные понятия и средства красноречия, и основную часть («*De ipsa doctrina oratoria*» (о самом ораторском учении)), знакомящую с риторическим каноном. Пять глав соответствуют частям канона: «*De inventione*» (об изобретении), «*De dispositione*» (о расположении), «*De elocutione*» (о словесном выражении), «*De memoria*» (о запоминании), «*De pronunciatione*» (о произнесении). Имеется также глава «*De sacra oratione scilicet contione*» (о священном красноречии, или проповеди), содержащая основы гомилетики. Завершает книгу справочный раздел «*Enchiridion oratorium*», в котором приведены отдельные словесные формулы из классических авторов, которые можно использовать при написании речи.

Ритор преследовал цель не просто собрать теоретические сведения из разных авторитетных источников, но изложить риторические основы как можно более кратко и удобно для запоминания. Он охотно называет свои источники и предлагает учащимся обратиться к ним для более полного знакомства с предметом, однако считает необходимым составить собственный сжатый конспект.

Например, во вступительной части руководства, в разделе, посвящённом тропам, М. Базилевич упоминает о том, что в классических риториках голландского учёного Гергарда Фосса (Воссия) и немецкого теолога Соломона Глассия, составленных в XVII веке, приводится много разновидностей и способов образования метафор, он же сам считает достаточным остановиться всего на четырёх: “*Modos ejus translationis Gerardus Voscus lib. 4 Instit. Orator. recenset plurimos, Glassius vero in Sacra Rhetorica fere innumeros, cum in tota rerum natura nihil sit, a quo metaphora desumi non possit, nos eos ad quattuor contrahamus...*” («Множество видов этого тропа приводит Гергард Воссий в 4 книге Воспитания оратора, а Глассий в Священной риторике приводит почти бесконечное количество, ведь во всей природе вещей нет ничего, из чего нельзя было бы произвести метафору, мы же сократим их до четырёх») (Basilevich 1756: 26).

Особенностью стиля М. Базилевича является оценочность, присутствующая даже в определениях терминов. Так, давая определение тропу, он подчёркивает, что перенос значения должен быть умелым, талантливым: “*Tropus est elocutio, qua propria vocabuli significatio cum virtute transfertur in alienam*” («Троп – это выражение, в котором собственное значение слова *искусно* превращено в другое») (Basilevich 1756: 25 (об)).

Изысканность признаётся отличительным признаком фигуры слова: “*Figurae verborum consistunt in vocabulorum *eleganti* vel defectu, vel excessu, vel repetitione, vel similitudine*” («Фигуры слова заключаются в *изысканном* недостатке, избытке, повторении или сходстве слов») (Basilevicz 1756: 29 (об)).

Изложение теоретических принципов дополняется в руководстве наглядными примерами и упражнениями. Так, автор рекомендует полезное упражнение, направленное на усвоение тропов и фигур. С помощью различных тропов и фигур он варьирует широко известное крылатое изречение “*Honores mutant mores*”. Варианты фразы иллюстрируют все рассмотренные ритором выше четыре вида тропов – метафору, метонимию, синекдоху, иронию. Например, так по совету ритора можно украсить фразу метафорой: “*Magni honores optimos quoque mores facile inficiunt et conspurcant*” (Великие почести даже наилучшие нравы легко заражают и оскверняют) (Basilevicz 1756: 36), а таким образом – иронией: “*Ita est, auditores; ita, credo, censetis; tam validi sunt humeri nostri, ut magnos honores ferre sine mentis aut more corruptione facile possumus*” («так, слушатели, так, я уверен, вы считаете: так крепки наши плечи, что мы легко можем выдержать большие почести без порчи ума и нравов») (Basilevicz 1756: 36 (об)).

Фигуры представлены в руководстве в гораздо большем разнообразии. Ритор выделяет 21 фигуру слова (*figurae verborum*) и 27 фигур мысли (*figurae sententiarum*). Все они также используются для распространения афоризма “*Honores mutant mores*”. Некоторые фигуры, указанные М. Базилевичем, обычно рассматриваются как нарушения стиля. Так, ритор приводит пример плеоназма в амплификации данной фразы: “*Quantum valeat ad corrumpendos mortalium hominum mores dignitatis adeptio, non auribus tantum audimus, sed etiam ipsis oculis nostris saepe numero videmus*” («Как сильно способствует порче нравов смертных людей достижение влияния, мы не только ушами слышим, но ещё и самими нашими глазами часто видим») (Basilevicz 1756: 36 (об)). Плеоназм использован в примере неоднократно: это и «смертные люди», и «видим глазами», и «слышим ушами». Безусловно, такая фраза не может считаться образцом для оратора, но отлично иллюстрирует суть понятия плеоназма.

Следует отметить, что использование фразы “*Honores mutant mores*” в разных методических целях можно считать хрестоматийным. Автор рукописной риторики 1766 г. из

Нижегородской семинарии использует вариации данного афоризма для объяснения других видов амплификации. Фраза изменяется с помощью синонимии, эпитетов, противопоставления, обстоятельств и т. д. Также нижегородский ритор варьирует данную фразу путём употребления слова *honores* в различных падежах, например: “*Honorum (Gen.) splendor mutare hominum mores solet*” (Блеск почестей обычно меняет нравы людей), “*Qui ad honores (Acc.) adscendunt, raro mores integros conservant*” (Те, кто достигает почестей, редко сохраняет нравы неизменными) (Rhetorica 1766: 8). Эта же фраза изменяется путём замены частей речи, глагольных времён и т. д. Очевидно, афоризм принято было использовать как материал для самых разнообразных школьных упражнений, как основу для всевозможных амплификаций. Следует отметить, что несмотря на значительное количество примеров с данной фразой в двух рассмотренных риториках, они не повторяются.

Примеры, которыми М. Базилевич иллюстрирует теоретические положения, в большинстве случаев взяты из библейских текстов или произведений Цицерона. Имеется небольшое количество цитат из других античных авторов — Теренция, Сенеки, Овидия, Тита Ливия.

Некоторые примеры заимствованы из европейских риторик нового времени, в частности, трактата Николя Коссена, руководств польских авторов. Так, например, после подробного рассмотрения внутренних топосов, на которые оратор может опираться при составлении речи, составитель руководства приводит из риторики Н. Коссена пространную речь, восхваляющую лилию (Basilevich 1756: 57–59; Caussin 1637: 199–201). В этой речи, представляющей несомненный методический интерес, использованы все виды топосов.

Польские риторики являются одним из основных источников руководства М. Базилевича. Раздел об остроумии в смоленской риторике написан с опорой на сочинение Мацея Казимира Сарбевского (Сарбевия) “*De acuto et arguto*”. Стихотворение на польском языке, иллюстрирующее применение топоса имени, М. Базилевич, по его утверждению, заимствовал из сборника упражнений отца Варлаама (“*in praxi patroni Barlaami*”) (Basilevich 1756: 48 (об)).

В своё руководство составитель смоленской риторики включил и русские примеры. В частности, на русском языке даётся образец свадебной речи, произносимой после венчания (*post sanctum vinculum*) (Basilevich 1756: 81).

Включение в текст руководства фрагментов на польском и русском языках свидетельствует о том, что автор ощущал необходимость связать латинскую классическую риторическую традицию с конкретными задачами речевой деятельности на новых языках.

В обширном разделе, посвящённом торжественному красноречию, М. Базилевич к каждому виду праздничных речей приводит целый ряд сентенций разных (преимущественно античных) авторов, которые он рекомендует включать в речи. Кроме того, ритор сообщает немало любопытных фактических сведений (*eruditiones*), которые тоже могут быть полезными для ораторов при подготовке выступления.

Цитаты и примеры М. Базилевич, безусловно, привлекает и из Священного Писания. Фразы из Вульгаты используются и как материал для риторических упражнений. Так, завершая раздел о расположении речи, ритор в качестве иллюстрации теоретических принципов приводит составленный им самим энкомий, тезисом которого служит библейская фраза “*Tene disciplinam ne dimittas eam, custodi illam, quia ipsa est vita tua*” (Proverb. 4, 13) («Крепко держись наставления, не оставляй, храни его, потому что оно – жизнь твоя»).

То, что речь составлена самим М. Базилевичем, можно предположить по некоторым косвенным признакам: многократное использование личного местоимения первого лица, продиктованное скромностью отсутствие прямого указания авторства (как правило, заимствования в тексте руководства отмечены с указанием источника), упоминание во вступлении к речи имени епископа Смоленского и Дрогобычского Гедеона Вишневого, покровительствовавшего коллегии. Во вступлении к энкомии после вознесения хвалы Богу, Деве Марии и всем святым М. Базилевич с благодарностью называет своих высоких покровителей: “*Tandem illustrissimi ac celsissimi domini huiusce collegii fundatores et munificentissimi patroni nostri Episcopi Smolenscensis et Dorohobusiensis Gedeonis Wiszniowski sanctae crucis benedictione munitus elatique ejus Scipionis suffolcior fortitudinem, ut nostrae eruditionis non deesse possit oratio et encomiastius honestissima productas, origine optimisque profectas rationibus cursus non deficiat in litteras, ad quarum pro posse habendam orationem ad audiendum benevolos ac alacres praebebe animos*” («Затем меня поддерживают блистательнейшие и высочайшие господа, основатели этой коллегии, я также вооружён благословением святого креста епископа Смоленского и

Дрогобычского Гедеона Вишневского, этого высокопоставленного Сципиона, чтобы речь не испытывала недостатка в нашей эрудиции и произвела достойнейший энкомий, с самого начала её ход пусть будет подкреплён лучшими доводами. Приготовьтесь слушать эту речь благосклонно и внимательно») (Basilevicz 1756: 99 (об)).

За вступлением следуют тезис (*propositio*) и различные структурные части энкомия, развивающие и углубляющие его: повествование (*narratio*), доказательство (*confirmatio*), опровержение (*confutatio*) и заключение (*peroratio*). Речь украшена вычурными метафорами и сравнениями, подчёркивающими связь просвещения с божественным замыслом. Так, науки именуются небесным семенем (*coeli semen*), а те из смертных, кто владеет знаниями, по выражению ритора, отмечены высочайшим лучом величия, т. е. лучом высочайшего (= божественного) величия (*summus radius majestatis*) (Basilevicz 1756: 99 (об)). Антитезы и парадокс ритор использует, противопоставляя жизнь, наполненную занятиями и наукой, праздному существованию, которое есть смерть при жизни (*“in vivis esse sepulturam”*) (Basilevicz 1756: 100). Подкрепляет эту мысль цитата из Катона, выполняющая функцию аргумента к авторитету: *“Instrue praeceptis animum ne discere cesses, nam sine doctrina vita est quasi mortis imago”* («Оснащай наставлениями дух, чтобы он не переставал учиться, ведь без учения жизнь похожа на смерть») (Basilevicz 1756: 100).

В главе «О произнесении» (*“De pronuntione”*) М. Базилевич кратко излагает важнейшие требования к произнесению речи, поведению оратора, его жестикуляции и мимике. Основным источником рекомендаций является трактат Николя Коссена. В завершение маленькой главки, занимающей всего один рукописный лист, смоленский ритор сообщает: *“Inquit Causinus rhetorum huius aevi princeps. Caetera vero quae hac arte comprehensa non sunt, propria quemque exercitatio et imitatio gravium authorum satis instruet”* («Так говорит Коссен, первый среди риторов нашего времени. Прочему же, о чём в этих наставлениях не было сказано, каждого смогут научить соответствующие упражнения и подражание серьёзным авторам») (Basilevicz 1756: 126).

Столь же небольшой по объёму (один рукописный лист) является глава, посвящённая запоминанию речи (*“De memoria”*). В ней рассматриваются два вопроса: что такое память и как следует её развивать.

Важное место в руководстве М. Базилевича занимает глава “De sacra oratione sive contione”, посвящённая духовному красноречию. В форме вопросов и ответов составитель руководства объясняет, чем отличается духовное красноречие от светского, каким должен быть проповедник, что такое проповедь. Ритор выделяет нравственную, панегирическую и смешанную проповеди. Нравственная проповедь (*contio moralis*) из Священного Писания выводит тезис, имеющий отношение к нравам. Панегирическая (*contio panegyrica*) содержит восхваление Христа, Богоматери или святых. Смешанная (*contio mixta*) соединяет хвалы и поучения. М. Базилевич показывает тринадцать способов расположения (композиционных типов) проповеди, перечисляет источники изобретения тезиса проповеди и его доказательства. Ритор предостерегает своих учеников от ошибок, которые допускают «неподобающие проповедники» (*inepti concionatores*). Такими признаются те, «кто произносит трудные и запутанные проповеди, кто заводит долгие проповеди и выходит далеко за пределы своего материала, кто вставляет в проповеди больше историй, чем требует необходимость, кто нагромождает бесполезные эпитеты, синонимы и упоминает грубые чувства, кто долго ведёт холодные и лишённые эмоций речи, кто переплетает уличные шутки со священными вещами, кто кичится демонстрацией памяти или эрудиции, кто демонстрирует знание греческого, еврейского или какого-либо другого языка, кто ради хвастовства заводит утончённые философские или богословские рассуждения, кто выражает тонкие поэтические идеи, несколько не способствующие исправлению жизни слушателя» (“qui difficiles et obscuras contiones tractat, qui longas contiones instituunt, et procul extra suam materiam evagantur, qui pluribus, quam necessitas postulat, hystoriis contiones inspergunt, qui inutilia epitheta, synonymia et sensus rudes coacervant, qui frigidos et sine affectu sermones diu pertrahunt, qui aulica dicteria rebus sacris interserunt, qui memoriae aut eruditionis ostentationem prae se ferunt, qui graece, hebraice, aut cuiusvis peregrinae linguae peritiam ostentant, qui subtiles discursus philosophicos aut theologicos tractant ostentationis causae, qui conceptus sublimes poeticos nihil in auditore ad emendationem vitae conducibiles adhibent”) (Basilevicz 1756: 120 (об)).

Рукописное руководство смоленского ритора М. Базилевича является ярким образцом творческой адаптации классической риторической теории для преподавания в духовном учебном заведении в России XVIII века. Изучение данного источника

может дополнить существующие представления об истории преподавания риторики в России.

Литература

- Basilevich 1756: Basilevich Manuel. *Opus artis oratoriae generosae juventuti Roxolanae...* Smolensk Collegium. Смоленская коллегия. РГБ. Ф.733 (Смолен.), № 21.
- Caussin 1637: Caussin Nicolaus. *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Lugduni.
- Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber*. Nizhniy Novgorod Seminary. Нижегородская семинария. РГБ. Ф. 312, № 78.